

Изменение стилистических параметров современного газетного дискурса

КАТАЛИН КУГЛЕР

KUGLER Katalin, SzTE Szláv Intézete, Szeged, Egyetem u. 2, H-6722

Abstract: The language of the Russian press becoming more and more similar to everyday speech is one of the most significant stylistic changes in the Nineties. The influence of well-known political, socio-cultural and economic factors resulted in the modification of the communicative aim of articles. The elements of relaxed conversational style and the inclusion of syntactic features that are characteristic of everyday speech are used for example in the weekly *Moskovskie Novosti* (May and April 1999). Furthermore, the frequent application of abbreviations and verbal contractions, the preference of emotionally expressive elements, the propagation of typical word-formation observable in conversational style can also serve as examples of the widespread process of stylistic change. The so-called “*razgovornost’*” is primarily determined according to the literary form and the topic of the article, but the gender of the journalist can also be a determining factor.

At the same time, an opposing process: the use of word structures and expressions typical of the scientific and official stylistic layer can also be detected. These expressions, often borrowed from English, fill the vacuum that was created after the disappearance of frequently used words in the Soviet political regime. In the case of high standard weekly and daily papers, these two tendencies usually counterbalance each other.

1. В данной статье* мы намереваемся рассмотреть те внеязыковые факторы, под влиянием которых изменился общественный статус и стилистическая характеристика газетного дискурса. Кроме этого, мы будем рассматривать и те основные языковые явления, которые обусловлены модификацией функционирования газетного дискурса. В том числе нас интересуют разные формы проявления «разговорности» (см. об этом: Сиротина 1998), а также «книжности», как новые, наиболее важные тенденции, возникшие в современном газетном дискурсе.

Источником наших наблюдений послужили апрельские и майские номера «Московских новостей» 1999 г. Данную газету мы считаем в ряду других современных столичных еженедельников умеренной, корректной, имеющей устойчивую репутацию. Для этой газеты не характерны: угода читательским вкусам, также стремление к сильным стилистическим эффектам. Поэтому нам думается, что наш газетный материал сможет послужить основой для некоторых наблюдений и обобщений.

2. В 90-е годы в духе общей демократизации общества ускорились те процессы, которые стали намечаться уже в период перестройки, и

* Статья является расширенным вариантом доклада, прозвучавшего в 1999 г. в Седе на конференции «Южные славяне — восточные славяне».

к середине 90-х годов на страницах либеральных газет произошла де-табуизация прошлого, десакрализация политических тотемов (сначала это касалось деятельности и личности Сталина, затем Ленина), дефетишизация других советских лидеров, общественных институтов, соответственно, произошла и деидеологизация прессы. Ушли в небытие советизмы, газетные клише, слова-идеологемы, или же они встречаются уже с негативной коннотацией (исключение представляют некоторые ультралевые газеты, на страницах которых с еще большей патетикой употребляются названные элементы).

В связи с демократизацией российской прессы расширилось тематическое поле газетного дискурса и стало возможным открыто писать о современной действительности, без завуалирования негативных общественных явлений, разного рода поведенческих аномалий и интимных сторон жизни политических деятелей. Вследствие этого в средствах массовой информации все чаще стала появляться нестандартная лексика (чаще всего слова и словосочетания, заимствованные из речи маргинальных людей), также ненормативные для литературного языка синтаксические конструкции и т.п. Эти отступления от стилистических, порой грамматических норм, у многих вызывали недоумение, даже шок. Это объяснялось тем, что советская пресса была не только сильно политизирована, идеологизирована, но в языковом плане и строго нормирована. Газетные тексты десятилетиями служили эталоном правильности речи. Во избежание двусмысленной, неточной интерпретации газетных информационных сообщений был выработан стандартизированный, структурно легко воспроизводимый, стилистически однородный политический язык. В 90-ые годы на смену строгой детерминированности, официозности публицистической речи пришел новый, окрепший, питаемый разными истоками, разнуданный язык, ломающий на своем пути все прежние преграды. Естественно, это, порой, сопровождалось нарушением норм лексической сочетаемости, исчезновением раньше обязательной стилистической гомогенности публицистических текстов и т.п. Бурная реакция на это ревнителей русского языка мотивируется и тем, что публицистический стиль по своим параметрам до недавнего времени резко отличался от устной разговорной разновидности литературного языка, и вдруг эти устоявшиеся границы рухнули, обособленность публицистической речи исчезла.

3. Под влиянием известных политических, социо-культурных, экономических факторов в сфере прессы изменилась коммуникативная ситуация, т.е. возможности реализации газетного дискурса. Стало возможным писать буквально обо всем безбоязненно, без учета строжайших партийных директив, без обязательной патетики, официозности. В сложившейся демократической атмосфере на страницах газет получили распространение непосредственный, доверительный тон, стремление к непринужденной беседе или к острой полемике с читателем как с равноправным партнером.

3.1. С изменением коммуникативной функции газетных текстов, изменилась и роль субъекта в газетном дискурсе. Журналист, создающий газетный материал, перестал быть только рупором. Он, как современный демиург газетного дискурса, конечно, не лишен намерения соответственно своим политическим взглядам, убеждениям (или заказам) воздействовать на своих читателей. Современный журналист ориентируется уже не на безликого массового читателя, а на публику с определенной политической ориентацией и с подобными пристрастиями. Словом, мы можем говорить о модификации взаимоотношения субъекта и адресата в современном газетном дискурсе.

3.2. В описываемом коммуникативном процессе расширились возможности субъекта: сегодня у него больше простора для подачи субъективного мнения, для выражения негативной оценки, для авторизации текста. Соответственно этому возросла и личная ответственность журналистов за созданный им газетный материал. Мы можем установить, что в целом произошла индивидуализация и субъективизация газетного дискурса.

3.3. Бесспорный факт, что изменившиеся внеязыковые условия породили и отрицательные тенденции (в дальнейшем мы будем иметь в виду лишь газетный дискурс). Это связано с коммерциализацией прессы, с не одинаковой профессиональной подготовленностью журналистов, с соблазнами свободы слова, у некоторых с отсутствием должного уровня духовной культуры и т.п.. Эти негативные тенденции проявляются в следующем: в некоторых редакциях действует новый «фильтр» подачи информации — сенсационность. В этих газетах с ориентацией на необычность информации, на неожиданность эффекта описываются явления «социальной патологии», интимности из жизни известных людей и т.п. (См., напр., «Мегаполис Экспресс», «Частная жизнь»). Увлечение некоторых газет «чернухой», психическими и сексуальными отклонениями людей — результат ложно понятой либерализации прессы, проявление современной формы искажения действительности. Сказанное характерно главным образом для т.н. бульварной прессы, поэтому было бы несправедливо судить о газетном дискурсе в целом на основе таких аномалий селекции новостийного материала.

3.4. Из сказанного мы можем извлечь один важный элемент характеристики современного газетного дискурса. В печати безвозвратно произошла специализация по подаче информативного материала. Газеты имеют свой тематический профиль, свою манеру подачи информации, и также имеют своего читателя с общим культурным фоном, с общей ценностной системой. В целом можно установить, что в рамках газетного дискурса вместо политической, идеологической обусловленности тематики, вместо стилистической монотонности и т.п., намечаются тематический разнобой (правда, в некоторых газетах темы освещаются без морального ориентира), гетерогенность стилистической характеристики, словом характерна полифоничность. С учетом этого

факта мы должны подходить к квалификации газетного дискурса дифференцированно, избегая необоснованных обобщений.

4. Пополнение книжной речи сниженными элементами, которые часто являются экспрессивно окрашенными, в наши дни считается уже аксиоматичным утверждением. Нас интересовало, в какой мере и в каких формах реализуется эта общая тенденция на страницах еженедельника, адресованного образованному, «здравомыслящему» читателю, где нет надобности для привлечения его внимания говорить «на языке улицы». Сотрудники «Московских новостей» высоко квалифицированные журналисты, которых обвинять в незнании речевых правил было бы несправедливо. Все-таки, в каких коммуникативных ситуациях осуществляется снижение стиля при отсутствии особых редакционных мотивов? В дальнейшем пойдет речь о наших наблюдениях.

4.1. Прежде всего мы должны отметить, что в отношении лексики употребление слов с функциональной отмеченностью разговорности на страницах «Московских новостей» (в дальнейшем: МН), на наш взгляд, происходит сознательно, стилистически мотивированно. Применяемые кавычки указывают на стилистическую чужеродность этих слов, или указывают на «чужой голос»: «не очень доволен работой своего „зама“», «Ли попал под «колпак» американских спецслужб» (речь о тайванце, продававшем Китаю ядерные секреты США), «сербы, похоже «зачистили» город Урошевац» и т.д.

4.2. Публицистическая речь уже в 70-е годы стала подхватывать характерные для разговорной речи универбаты (см. их описание: Земская 1981), например, в наших текстах *котирка*, *военка*. В универбации проявляется стремление к экономии речевых усилий, что предполагают и условия современной редакторской работы: на новую информацию необходимо реагировать быстро, четко, кратко, однозначно. Это стремление выражается в употреблении множества аббревиатур, сокращенных слов. Широко распространенные в печати акронимы происходят, главным образом, из официально-деловых и научных текстов. Из-за общеупотребительности их книжный характер уже не осознается. Отсутствие расшифровки акронимов сегодня уже не приводит к недоумению, смысл данного сокращения угадывается контекстуально: ГКО (в значении Государственная краткосрочная облигация), АО (Акционерное общество), АСО (Акционерное страховое общество), УК (Уголовный кодекс), ВИЧ (вирус иммунодефицита человека), ПО (производственное объединение), СТЗ (свободно-торговая зона), СМИ (средства массовой информации) и т.д.

4.3. В наших текстах наиболее типичными являются частично сокращенные слова, у которых сокращается лишь первый элемент: *райсуд*, *Генпрокуратура*, работники *Госоркестра*, *артподготовка*, решение *Худсовета* (в заглавии), *госкомпания*, *рабсила*, *евроспрос*, акции «*Славнефти*», управление «*Роснефти*», *спецпредставитель* по Югославии т.п.

К слововым аббревиатурам относятся, например, *спецназ*, *госдеп*, *собкор* (последнее слово с пометой разговорности уже включено в словарь Ожегова–Шведовой 1994) и употребляемое в нашем тексте с иронией слово *исполсек* (исполнитель обязанностей секретаря).

4.4. Стремление к экономии речевых усилий выражается и в употреблении слов с конденсированным значением двух или больше слов. В следующих случаях реализуется бессуффиксальный способ универбации: *гуманитарий* (в значении ‘солдат ООН, оказывающий гуманитарную помощь в Косово’), *криминал* (в нашем значении ‘криминальная фигура’), *куръёз* (в значении ‘куръёзный случай’) и т.п. В первых двух случаях мы сталкиваемся также с расширением семантики слов. Следующее проявление речевой экономии имеет слегка шуточный оттенок: «*источник* из Ростова позвонил» (т.е. источник, сообщающий информацию).

Следующее субстантивированное прилагательное имеет также разговорный характер: «она разговаривает *по мобильному*» (т.е. телефону) как и его производный вариант *мобильник* («вызывали *по мобильнику*»), сленговую окраску имеет его синоним *мобила*.

4.5. Стремление к созданию атмосферы доверительной беседы, следовательно использование сигналов устного говорения наблюдается на страницах МН в тематически и функционально мотивированных случаях. Как правило, авторами таких текстов являются женщины. «Разговорность» в них обычно сочетается с эмоциональной окраской. Эти тексты опубликованы в разделах «Помехи», «Нравы» (это сценки из городской жизни, часто имитирующие «чужой голос»), или это авторизованные тексты, как например, «Прелести материнского чтения» (автор Е. Пищикова), или же они относятся к жанру интервью, где ощущение спонтанной беседы — условие достоверности состоявшегося диалога. В этих текстах мы находим множество разговорных конструкций с начальным союзом *и*, то с усилительной функцией, то как признак продолжающегося рассказа: «*И* действительно, приезжает начальство ...»; «*И* раз так, то вот вопрос ...»; «*И* здесь уже никого не пощадят»; «*И* вдруг позавчера — ... живые глаза на экране ...»; «*И* дело не в теме — *да*, через полвека что нового о войне скажешь! — а в той повальной скуке, которая *разом* охватила все каналы, ...»; «*И* *прямо* с утра я поняла, что телевидение удивит ...» и т.п. (Множество подобных примеров можно было бы привести из статьи Е. Пищиковой о женской преступности «Москва слезам не верит».) В этих текстах возрастает и количество частиц, вводных слов. Например: «Они-*то* уж никак не разбогатели за последние месяцы ...» (имеются в виду петербургские рабочие); «Возможно ли к третьей-*то* тысяче лет ...» (в подзаголовке); «... в страну *вот-вот* вернётся цензура» (также в подзаголовке) и т.п.

4.6. Субъективный тон, повышенная эмотивность появляется и в телеобзорах, написанных также женщиной (Н. Логинова). Нароч-

ное снижение стиля, употребление просторечных слов, как правило, сочетается с иронией, и становится средством негативной оценки: «комплекс вины перед ... нуждающимся в тепле и простой человеческой *расслабке* государственным своим *мужиком*» (Е. Рыковцева).

Пестрят разговорными элементами и заметки сатирика В. Шендеровича. У него наблюдается сознательное снижение тона, стремление создать иллюзию устного монолога на злободневные темы (главным образом, это негативные общественные явления). Избранный им жанр вполне мотивирует употребление стилистических средств, служащих достижению негативной оценки читателем, например, «Нет уж, лучше их всех *пугнуть до мокрых штанов* — ...»; «Тут есть, кому эти *денежки* с *толком* употребить...». Говоря об импичменте, он иронизирует таким образом: «...то этому сериалу *кранты*.»; «До мая, *глядишь*, ещё *десяток-другой* серий *набежит*». Или «Энергии *вагон* ...» (у сенаторов); «НАТО действительно *просто в ужасе*». Заметки Шендеровича — это авторизованные тексты, отличающиеся экспрессивностью, язвительностью, иногда беспардонностью и грубостью.

По богатству выразительных средств, по экспрессивности выделяются тексты, созданные А. Приставкиным (статья о возможной «реабилитации цензуры»), и публицистика В. Черниченко («Бандюки и семечка»), достигающая уровня художественной прозы.

4.7. По нашим наблюдениям, газетные тексты от других авторов-мужчин обладают множеством разговорных элементов и сильной экспрессией в зависимости от темы и жанра публицистического материала, напр., репортаж с места выборов (в Карачаево-Черкесии), журналистское расследование (о русских олигархах), размышления на злободневные темы.

О тематической обусловленности «разговорности» (т.е. «намеренного использования элементов разговорной системы с преобладанием при этом сниженных её элементов и даже нелитературных», Сиротина 1998, 352) и повышенной экспрессии свидетельствуют и следующие газетные тексты: о добровольцах, приехавших в Белград из России (под заглавием «Зачистка»), о гуманитарной катастрофе в Косово, о национал-коммунистах, атакующих американское посольство (под экспрессивным заглавием «Они не пройдут!»), о присоединении Югославии к России и Белоруссии (Виктором Лошаком придумано даже едкое слово — *СБРЮндили*, встречается и его производный вариант *сбрюндившие* депутаты), о возможности возвращения к цензуре (само заглавие статьи содержит явную пейоративную оценку: «Закон безнравственности»), о русском бизнесе («Русский бизнес самый бескорыстный в мире?»).

В указанных текстах включение сниженных элементов происходит по-разному. Следующие случаи мы относим к вариантам проявления несобственно-прямой речи. Например, это — вкрапления слов русских добровольцев, прилетевших в Белград, в речь журналиста-рассказчика:

«никто не может *толком* объяснить, чем им так *насолили* американцы»; «они даже не *заикнулись* о том, что приехали в Югославию на заработки»; «чтобы сесть в кабину и *завалить* пару-другую америкосов». Употребляемое просторечное слово также часть их лексики: «чеченцы ... прибывают *на подмогу* албанцам». Бранное слово «козлы» появляется уже в виде цитаты: «В ответ на этот вопрос я неизменно получал односложный ответ: „*Козлы!*“» (об американцах).

4.8. Авторы этих текстов явно настроены отрицательно в отношении описываемых явлений. Они не скрывают свою позицию и хотят настроить своих читателей в подобном духе. В следующих примерах суффиксы с уничижительным значением, собственно разговорные и просторечные слова выражают однозначную иллокутивную задачу: «от *пьяненьких пэтэушников* из спартаковских фанов, ... , до *насупленных дядек*» (о национал-коммунистах); «дают советы как лучше *обвести вокруг пальца богатеньких идиотов*» (в журнале «Космополитен»); «Дума, которая выдаёт такие *образчики* русской речи, что *страшно за детей*»; «Остаётся *пустячок*: подпись президента»; «группа лиц, *вытихнувших* г-на Чернышева за *проходную*».

4.9. Употребление устойчивых разговорных синтаксических конструкций создает ощущение устного говорения, точнее диалога. В этих случаях наблюдается некая раскованность (в общем как коммуникативное условие откровенной беседы), расчет на взаимопонимание с читателем, порой даже мягкая провокативность: «*окажись завтра у власти* противники нынешнего президента»; «*Всякого мы навидались* от них за последние годы» (о русских бизнесменах); «всё это — *полный бред*»; «*В идеале* он должен пытаться ...». Частицы, вводные слова, союзы дальше усиливают иллюзию устной речи: «*И* предлагает передать заказ третьей стороне»; «*Мы, мол,* работали над контрактом, ...»; «...на сумму *эдак* примерно в 7 млн. долларов». Разговорный порядок слов также эффективен при создании «разговорности», напр.: «*А контракт этот,* между прочим, должен был ...».

4.10. В исследуемых нами номерах мы нашли немало слов, заимствованных из сниженного варианта профессиональной речи, напр.: «перед камерой *прокручено* более десяти тысяч статистов» (из речи работников кинематографии), «в гражданской жизни *прогоревший* фермер» (из речи разведчика), сюда относится и упомянутое выше слово *колтак*.

В отношении МН мы можем отрицать утверждение Л. К. Граудиной (1996, 173): «жаргон и просторечие становятся почти литературной нормой». Случаи дисфемизации (употребление пренебрежительных, иногда грубых слов вместо нейтральных), характерные для бульварной прессы, на страницах МН встречаются лишь в форме цитаты, например, при передаче возмущения американского актера по поводу предательства режиссера Элии Казана («у нас было такое чув-

ство, вроде бы наш отец *трахал* наших сестёр»), или в связи с открытием московского тотализатора произносятся слова Элизы Дулитл из фильма «Моя прекрасная леди»: «Шевели своим толстым задом!». Вульгарность данных цитат оправдана коммуникативными целями и общим тоном этих текстов.

5. Указанные выше экстралингвистические факторы оказали, несомненно, наибольшее влияние на устную публичную речь и на газетный дискурс. Другие книжные функционально-стилистические разновидности литературного языка хотя частично также оказались под влиянием этих факторов (в зависимости от темы и жанра, а также от возраста и индивидуальных особенностей автора), они скорее сами оказали влияние как на разговорный, так и на газетный дискурс.

5.1. «Книжность» газетного дискурса значительно усиливают слова, заимствованные из терминологической лексики бизнеса, банковского дела, политологии, экологии и других сфер науки (например: процедура завершится *тендерами*, *инфляционный эффект*, *футурологическая игра*, *глобальные катастрофы* в результате *экологической агонии*, *информационная мутация*). Кроме этого в газетном дискурсе активизировались и забытые или малоупотребительные раньше слова с книжной окраской: «*дискредитировать* российского премьер-министра», «политический *уникум*», «и тем и другим *импонировало*», «новая *генерация*», «адыгская *диаспора*», из специальной лексики происходит «*конфигурация* власти» и т.п.

Эти и подобные многочисленные примеры свидетельствуют о широкой распространенности и общеупотребительности книжных слов в газетном дискурсе. В некоторых случаях мы можем говорить даже о терминологической избыточности. Например, употребление слов *рейтинг*, *консенсус*, *маркетинг* можно было бы заменить и русскими синонимами, однако они уже настолько укоренились в газетных текстах, что часто уже не осознаются книжными вариантами слов: популярность, соглашение, стратегия торговли.

5.2. Книжный характер газетного дискурса усиливают и коллокации, образовавшиеся в последнее время из модного иностранного слова и глагольной формы. К таким устойчивым словосочетаниям относятся: *образовать кворум*, *создавать прецедент*, *провести импичмент* и т.п.

5.3. После крушения коммунистической системы для названия новых явлений понадобились новые слова, и в силу расширившихся контактов с западным миром заимствовались, главным образом, английские слова, часто являющиеся уже интерлингватами. «Американизация» русского литературного языка в определенных коммуникативных сферах (как финансы, бизнес, вычислительная техника, досуг) уже результат необратимого процесса международного масштаба.

На наш взгляд, в определенных случаях книжный характер газетных текстов усиливают также англицизмы, не относящиеся к сугубо

терминологической лексике. Это укоренившиеся уже в публицистической речи слова как *саммит*, *импичмент*, *имиджмейкер*, *спонсор*, *грант*, *эсклюзивный* и пр., которые внушают и некую престижность. Эти английские заимствования для современного читателя имеют уже однозначный смысл, и в их употреблении мы видим порой и проявление стремления к речевой экономии. Мы нашли в МН и пример неудачного употребления англицизма: *айсор* в значении чистильщик обуви; пример нового заимствования из английского языка: *моникагейт*.

5.4. После горбачевской перестройки для обозначения происходящих политических, экономических процессов возникло множество слов, производимых книжными суффиксами, например, департизация, десоветизация, разгосударствление и пр. Примеры из МН, относящиеся к этому ряду словообразовательных форм: налоговое *администрирование*, механизм *реструктуризации* рынка, глобальная *информатизация* человечества, изменения, связанные с *вестернизацией*, *маргинализация* общества, социальное *экспериментирование* и т.п. Эти и подобные производные слова также усиливают «книжность» газетных текстов.

6. На основе наших наблюдений мы можем сделать заключение, что в наше время нельзя говорить о публицистической речи как о гомогенной функционально-стилевой разновидности литературного языка. Вследствие изменения политических, социо-культурных обстоятельств, индивидуально-личностных факторов, из-за многофункциональности описываемого коммуникативного процесса и расширения иллокутивных задач изменился стилистический статус газетного дискурса. (Предпочтение нами термина «дискурс» указывает на более комплексное, прагматическое восприятие этого явления.)

6.1. Мы можем констатировать, что под влиянием вышеупомянутых экстралингвистических факторов в газетном дискурсе произошли внутрителивные изменения. С одной стороны, в результате вкрапления разговорных, часто эмоционально окрашенных слов, употребления разговорных синтаксических конструкций он приближается к устной разговорной речи, с другой стороны, к официально-деловой речи, заимствуя порой и элементы научного стиля. Вследствие этих процессов в газетном дискурсе изменилось традиционно сложившееся соотношение разговорных — нейтральных — книжных элементов. Пропорциональная представленность как книжных, так и разговорных элементов значительно возросла. В целом они балансируют друг друга в «солидных» газетах. Они частично заполняют вакуум, образовавшийся в газетном дискурсе после исчезновения советских идеологем, газетных клише, или же заменяют общелитературные языковые средства. О. А. Лаптева считает «соотнесённость языковых средств книжно-письменного, общелитературного и устно-разговорного характера» критерием реализации функционально-стилистических разновидностей литературного языка (Лаптева 1989, 122). В современных газетных текстах

наблюдается перестановка стилистически маркированных элементов, что приводит к явному изменению характерной для публицистической речи советских времен соотносительности названных языковых средств.

6.2. В определенных публицистических жанрах по стилистическим параметрам наблюдается явное приближение к повседневной устной речевой деятельности. На наш взгляд, самое важное то, чтобы снижение стиля, имитация устного говорения осуществлялись коммуникативно и стилистически мотивированно, и соблюдалась мера при отступлении от традиционных стилистических норм.

На данном этапе исследования мы свидетели эволюции русского языка. Глубинные процессы изменения системы языка происходят медленно, однако газетный дискурс, будучи под постоянным и непосредственным влиянием меняющихся общественных, политических перемен своей лексикой и стилистическими возможностями наиболее быстро и даже для невооруженного глаза заметно реагирует на них. Более детальное исследование этих явлений — дальнейшая задача автора.

Литература

- Бельчиков Ю. Б. 1996, Взаимодействие функциональных разновидностей языка. В кн.: Культура русской речи и эффективность общения. Москва: Наука, 335–357.
- Виноградов С. И. 1996, Язык газеты в аспекте культуры речи. В кн.: Культура русской речи и эффективность общения. Москва: Наука, 281–317.
- Граудина Л. К. 1996, О современной концепции отечественной риторики и культуры речи. В кн.: Культура русской речи и эффективность общения. Москва: Наука, 152–176.
- Земская Е. А., М. Б. Китайгородская, Е. Н. Ширяев, 1981, *Русская разговорная речь*. Москва: Наука.
- Земская Е. А. 1995, Язык как зеркало современности (словообразовательные заметки). В кн.: Филологический сборник. Москва, 154–163.
- Земская Е. А. 1996, Особенности функционирования современного русского языка. В кн.: Русский язык конца XX столетия (1985–1995). Москва: Наука, 12.
- Костомаров В. Г. 1994, Языковой вкус эпохи. Москва: Педагогика–Пресс.
- Кушина Н. А. 1998, Идеологические процессы и проблемы новой русской риторики. В кн.: Лики языка. Москва: Наследие, 212–222.
- Лаптева О. А. 1989, Мысли Виктора Владимировича Виноградова о социальных и личностных факторах речи в связи с теорией литературного языка. Вопросы языкознания № 4, 111–127.
- Ожегов С. И., Н. Ю. Шведова, 1994, Толковый словарь русского языка. Москва: Азъ, 2-е изд., испр. и доп.
- Сиротинина О. Б. 1998, О терминах «разговорная речь», «разговорность» и «разговорный тип речевой культуры». В кн.: Лики языка. Москва: Наследие, 348–353.
- PÉTER Mihály, 1993, A publicisztika nyelvéről. In: Fábíán Pál emlékkönyv. Budapest. 231–240.